

— Ну точно, никакой он не праведник! — уверенно заявил Гоудань. — То смертоносное оружие, то яды всякие. И зачем ему сдалось копить эту дрянь? Тоже мне, в бессмертные метил. Разве святые мудрецы не должны нести добро?

— Похоже на то, — согласился Ван Сюань. — Но судя по всему, манускрипту много лет. Может, он собирал всё это просто для самообороны? Сильный был человек, раз ухитрился целый даосский храм основать, хоть от него теперь одни руины остались. Да и взгляни сам: у меня тут полно отличных рецептов. Всё ведь зависит от того, в чьих руках окажется знание. Медицина — штука такая...

— Ладно, бог с ним. Ты, конечно, прав, но такое жуткое парализующее зелье нам точно ни к чему.

— Хорошо, погляжу, можно ли его как-то ослабить или переделать...

Они проболтали так почти весь день, пока их не разыскали прежние деревенские друзья.

Дачжуан за последнее время заметно остепенился — шутка ли, скоро отцом станет!

— Теперь говорят «папа», сейчас все так называют, — смущенно пробормотал будущий отец. Под дружный хохот товарищей он только и делал, что неловко ерошил волосы на затылке.

— И что, жинка тебя гулять спокойно отпускает? — поддел его кто-то. Все знали, какие в деревне бабы: как заголосит с одного конца улицы — мужик на другом конце мигом бросает всё и бежит домой.

— Да она... она у меня хорошая. Тихая, голоса не повышает, — глуповато ухмыльнулся Дачжуан, явно довольный покладистым нравом молодой супруги.

В их родной деревне почти никто из сверстников, кроме этой четверки, продолжать учебу не стал — все осели дома, занялись крестьянским трудом. Местные-то виделись каждый день, а вот Гоуданю с товарищами удавалось выбраться к ним только на каникулах. В этот раз, помимо деревенских, подтянулись и ребята из соседних деревень, с которыми они раньше дружили. Это была их первая большая встреча после окончания школы — без всяких церемоний.

Идти было особо некуда, да и не нужно им было никакого специального места — собраться могли где угодно. Расселись прямо на земляных межах посреди бескрайнего поля. Вокруг под порывами горного ветра колыхались тяжелые, налившиеся колосья, напоминая зелено-золотые волны. Те же места, те же лица, но щемящее чувство подсказывало, что всё уже стало иным. Кто-то, едва окончив начальную школу, успел обзавестись семьей; другие пока оставались бобылями, но уже тащили на плечах весь груз домашних забот. У каждого скопилось немало своих мелких невзгод и нехитрых крестьянских горестей.

И лишь немногие из них выбрали другую дорогу. Путь предстоял неблизкий, но впереди брезжило нечто совершенно иное, манящее смутными, но обещающими надеждами.

Все они выросли в одном гнезде, топтали одну пыль, но с каждым прожитым годом их жизненные пути расходились всё дальше, оставляя всё меньше точек соприкосновения. Кто знает, какими они встретятся вновь спустя годы? Возможно, этот день — последний рубеж, когда они еще могут говорить обо всем на свете без утайки, искренне и просто, как в детстве.

Разница уже давала о себе знать. Разговоры не клеились в общее русло: деревенские увлеченно перемывали косточки соседям, спорили о застарелых обидах и бесконечных дрязгах, которые Гоудань с друзьями наблюдал еще с пеленок. Вся эта житейская чепуха крутилась вокруг мелких новостей коммуны и дальше не шла. Даже интонации у парней стали точь-в-точь как у их отцов — тяжелые, неторопливые, словно отлитые по одному вековому шаблону.

Они с любопытством расспрашивали про уездный город, но реальная жизнь там оставалась для них чужой и непонятной. Прежде, когда все варились в одном котле, разница не бросалась в глаза. Но стоило уехать на учебу, как выяснилось: мысли у них теперь текут по совершенно разным руслам.

На обратном пути Ван Сюань шел притихший и немного грустный. Гоудань, который в компании обычно шумел громче всех, отнесся к этому философски. Он давно привык к переменам — вся его жизнь состояла из них.

— Все так живут, А-Сюань, — успокаивающе произнес он. — Нельзя вырасти и остаться прежним. Ничего страшного в этом нет. Захотим увидаться — всегда найдем время, мы ведь из одной деревни, никуда друг от друга не денемся. Подумай лучше о том, сколько новых людей мы еще встретим. А старые... ну, такова жизнь: со временем многое забывается.

— А мы? — тихо спросил Ван Сюань, заглядывая ему в глаза. — Мы тоже станем чужими?

— Что за глупости ты мелешь? Мы же семья. Ты где-нибудь видел, чтобы родные люди жили порознь и забывали друг друга?

Ван Сюань опустил голову и тихонько угукнул, заметно повеселев.

Перед отъездом ребята дружно смололи зерно. Часть муки они приготовили, чтобы взять с собой в школу, а остальное оставили Ли Сы. Отец крутился один как белка в колесе, времени ему вечно не хватало, поэтому парни старались переделать всю тяжелую работу по дому, какую только могли, лишь бы облегчить ему жизнь.

В последний день каникул они решили выйти пораньше, чтобы не толкаться в самый пик на дороге. Провожать их никто не собирался — даже до околицы не пошли, просто велели поторапливаться и выставили за дверь. Парни уже взрослые, мешок с зерном на плечи — и

вперед, невелика премудрость. Идя пешком до коммуны в компании школьных товарищей, Гоудань в полной мере прочувствовал народную мудрость: «Пока нет дома — соскучатся, а как приедешь — через два дня уже глаза б не глядели».

Конечно, Ли Сы не считал сына и приемыша обузой, просто у него действительно не оставалось свободной минуты. Да и Гоудань вытянулся так, что почти догнал отца ростом, сам в уезде живет, со всем справляется. А вот Чэнь Цинцзюань отец провожал до самой автобусной станции. Девчонка ведь, силы мало, как ей тяжелый мешок тащить? Школьница — это тебе не деревенская баба, которая привыкла в поле пахать, она более утонченная, и сил у нее куда меньше.

В автобусе снова было не пропихнуться, но им хотя бы удалось устроиться на ногах в уголке. За два часа пути они даже особо не устали — молодому организму все эти дорожные тяготы нипочем. К тому же Ван Сюань в этот раз подготовился заранее, и его даже не укачало.

Пару дней ушло на то, чтобы прийти в себя после каникул и втянуться в школьный ритм. После этого Гоудань с Ван Сюанем принялись искать лазейки на черный рынок. Ван Сюань каждый раз мастерски менял им внешность с помощью нехитрого грима. Действовали парни стремительно, по партизанскому принципу: налетел, сбыв товар — и ходу. Появлялись из ниоткуда, исчезали в никуда, так что здешние торговцы ума не могли приложить, кто эти двое. Зато на их свежее мясо, отборные овощи и вырученные деньги с дефицитными талонами заглядывались многие.

Торговцы на черном рынке делились на две категории. Одни — случайные бедолаги, доведенные до крайней нужды, которые потихоньку распродавали семейные реликвии и припрятанное добро ради горсти риса. Другие — тертые калачи, промышлявшие этим делом постоянно. Такие «профессионалы» отличались редкой наглостью, а порой и жестокостью.

Ребята никогда не жадничали, а их обостренное чутье на людей позволяло безошибочно распознавать чужую злобу и коварство. На одной точке они не задерживались дольше дня и больше туда не возвращались. Все долгие часы наблюдений и оценок наконец-то принесли плоды: когда конкуренты только собирались подстроить им пакость или выследить, парней уже след простыл.

Дни сменялись днями, а в стране тем временем потихоньку теплело. На страницах газет всё реже трубили о великих свершениях революции, зато всё чаще заговаривали об исправлении былых ошибок, развитии науки, образования, культуры и медицины. Школьные стены хоть и казались тихой гаванью, первыми улавливали дуновение перемен. Ученики мало что понимали в происходящем, но в учительской на столах лежали свежие газеты, откуда можно было узнать хоть какие-то новости. Из коридоров постепенно исчезли пересуды о «неправильном происхождении». Дети, которых еще недавно клеймили «собачьим отродьем» и выходцами из «пяти черных категорий», теперь могли спокойно учиться и жить наравне со всеми.

К концу года из верхов пришло известие, всколыхнувшее всю страну, словно брошенный в тихий пруд камень. Волна слухов стремительно покатилась по провинциям. Повсюду — в очередях, на улицах, в кулуарах — слышался приглушенный шепот, в котором угадывался

трепет надежды и сдерживаемый восторг.

Когда ребята в следующий раз выбрались домой, чтобы забрать теплые одеяла и зимние вещи, оказалось, что их собаки изменились до неузнаваемости. Сяогуай целыми днями пропадал на улице, увиваясь за деревенскими сучками, а у Дагуай заметно округлился живот, потяжелел и обвис, наливаясь молоком.

Парни только диву давались: как их грозная лесная охотница, привыкшая гонять дичь по чащобам, ухитрилась так остепениться? Да и разве у собак течка бывает не весной или летом? И с Сяогуаем творилось черт знает что.

— Оценится скоро наша Дагуай, — буднично пояснил Ли Сы. — К вашему следующему приезду, глядишь, уже пиццать в углу будут.

— Дагуай мамой станет? — Ван Сюань прямо-таки просиял от восторга. — Вот это новости! Гоудань, надо бы ей еды повкуснее давать, каково ей сейчас, бедняжке, тяжесть такую носить.

Парни так и вились вокруг собаки, а та лишь лениво позевывала, прищурив сонные глаза и примостившись у самого теплого бока печи. Завидев молодых хозяев, она дружелюбно застучала хвостом по полу, но прыгать от радости и закидывать лапы на плечи Ван Сюаню, как бывало раньше, не стала — берегла силы.

Ребята осторожно поглаживали ее то тут, то там, а собака только млела от удовольствия, засыпая под их ласковыми руками.

Ли Сы, глядя на их нежности, только вздыхал про себя. Судя по всему, раздать будущих щенков в чужие руки эти двое ни за что не позволят. Но прокормить такую ораву деревенской семье не под силу — самим бы на жидкой каше протянуть. Только-только жизнь мало-мальски наладилась, неужели теперь всё псам под хвост пустить?

— Одеял у нас всего два. Одно заберем, второе отцу оставим, — рассуждал Гоудань. — А вот теплые куртки у нас у каждого по одной, обе и заберем.

— Надо бы где-нибудь раздобыть хлопка, — Ван Сюань принялся загибать пальцы. — У дяди ватник совсем истрепался, жесткий стал, холодный, греть не греет. Да и у нас куртки старые, рукава уже короткие. Обувка теплая нужна. Попрошу старую тетюшку сшить нам по паре валенок, а из остатков ткани пусть сварганит обувь для Иньтоу и Тунтоу — за работу.

Хоть за последние пару лет жить им стало полегче, зима всё равно оставалась суровым испытанием.

— У нас ведь оставались промышленные талоны? На пару термосов хватит? — спросил Гоудань.

— Маловато будет, еще копить надо.

Гоудань нахмурился. Связей у них не было, а соваться снова на черный рынок они зареклись. Покрутившись там, парни быстро уяснили: те, у кого водятся такие дефицитные вещи, — народ тертый и опасный. Беззащитным школьникам лучше держаться от них подальше.

— Ладно, там видно будет. На худой конец купим один, или на барахолке поищем подержанный, — вздохнул Ван Сюань, понимая, Впрочем, что шансов мало.

Надеяться им было не на кого — и плату за учебу, и пропитание приходилось добывать самим. Ли Сы был обычным, тихим крестьянином, из тех, кто не умеет постоять за себя. В деревне из таких кротких людей вечно норовят веревки вить, поэтому Гоуданю частенько приходилось самому разбираться с соседями.

Гоудань уже перерос отца на полголовы, и если бы не юношеская припухлость щек, никто бы не дал ему его лет — уж очень степенно он держался и говорил как взрослый. Ван Сюань ростом выдался чуть пониже, но в хозяйстве тоже давно стал незаменим. Все мало-мальски важные дела в семье теперь лежали на их плечах.

О зимних припасах ребята заботились сами. Ли Сы за пределы деревни почти не выбирался, жил по заведенному кругу: как зимовали отцы да деды, так и он зимовал. Это раньше, пока Гоудань был крохой, отец места себе не находил, боясь, как бы сынишка не замерз или не помер с голоду. Краснея от смущения, он ходил на поклон к старой тетушке, умоляя то подлатать одежду, то одолжить горсть пшена на кашу для малого.

Теперь же, когда парни подросли и могли сами за себя постоять, Ли Сы с облегчением вернулся к привычной доле молчаливого труженика. Работать до седьмого пота он умел, но вот придумать, как вырваться из нищеты, его крестьянский ум не мог. Для него существовал лишь один проверенный путь к сытой жизни — вкалывать в поле ради лишних рабочих баллов.

Кое-кто из предприимчивых односельчан уже вовсю приторговывал втихаря, чтобы подкопить денег, но Ли Сы даже не думал менять привычный уклад. Соседи завидовали его удаче: надо же, такого парня вырастил, да еще и приемыша толкового в дом взял! Но мало кто задумывался, почему Гоуданю пришлось повзрослеть так рано и почему он с малых лет зубами вырывал свое право на жизнь. Впрочем, зависть брала свое — чем старше становился малый, тем очевиднее было, что толк из него будет.

Деревенские мигом сменили пластинку. Прошли те времена, когда при виде его дерзости кривились и ворчали, мол, растет грубиян невоспитанный. Больше никто не смел в его присутствии чесать языком про семью Ли, насмехаться над сбежавшей матерью или тыкать в него пальцем.

Теперь о нем отзывались только с уважением. При встрече вежливо здоровались, признавая в нем равного. Обычно в этих краях за человека тебя начинали считать только после женитьбы или в солидном возрасте, но для Гоуданя с Ван Сюанем сделали исключение. Односельчане

невольно видели в них взрослых мужчин, и больше у них язык не поворачивался цедить сквозь зубы обидное «щенок» или «выродок».

Когда Гоудань и Ван Сюань, навьюченные узлами и мешками, двинулись в путь, случайные прохожие приветливо улыбались им:

— На учебу собрались?

Ребята вежливо кивали в ответ, перекидывались парой слов и только за околицей, где дорога пустела, прибавляли шаг.

Мороз крепчал. Парни взяли с собой лишь одно полутораспальное ватное одеяло, зато сшитый Ван Сюанем пододеяльник пришелся как нельзя кстати. По ночам они ютились на узкой казенной койке под одним одеялом на двоих. Вскоре их примеру последовали и другие ребята в общежитии — в одиночку спать было невыносимо холодно. Вдвоем же, накрывшись сразу парой старых одеял, можно было хоть немного согреться. У многих постели были совсем плохими — тонкими, жесткими от времени, так что к утру ноги окоченевали до костей.

Холодный воздух проникал под одеяла, сон урывками изматывал, ребята то и дело просыпались от озноба. Кое-как дотянув до рассвета, они вскакивали и принимались прыгать на месте, разгоняя застоявшуюся кровь. От постоянного недосыпа сил не оставалось, а на морозе организм требовал куда больше калорий. Желудки пустели в мгновение ока, хотя порции в столовой оставались прежними.

На уроках многие клевали носом. В теплое время учеба давалась легко, но теперь из всех щелей сквозило ледяным ветром. Стужа пробирала до костей, превращая каждое движение в пытку. Окоченевшие пальцы отказывались держать карандаш, суставы словно ржавели, а кожа на руках трескалась от сухости и зуда. У тех, кто страдал от обморожений, старые раны воспалялись с новой силой. Руки опухали, пальцы не сгибались — смотреть было страшно. Тем из одноклассников, с кем они ладили, Ван Сюань давал целебную мазь собственного приготовления.

Еда, принесенная из столовой, остывала за пару минут пути до общежития. В такие дни глоток горячей воды казался непозволительной роскошью. Гоудань с Ван Сюанем как раз оказались среди этих редких «богачей». Стоило им сесть за стол, как Цичжи и Дафу уже тут как тут — стояли с кружками наготове, дожидаясь своей очереди. Термос пустел в один миг. Зато эти двое примелькались в их комнате так, что стали совсем своими.

— Вы хоть каплю оставьте, ироды! — шутливо свирепел Гоудань. — Хлещете как не в себя!

Приживалы с хохотом разбегались, но на следующий день снова заявлялись со своими кружками. Деваться было некуда: термос в комнате был редкостью, к тому же Гоудань ходил в старостах, характер имел открытый, и вокруг него всегда вилась куча народу. Друзей у парня хватало, а друзья, как известно, церемониться не привыкли.

Да и как не делиться, если в комнате стоял большой котелок для кипятка? В столовой порция горячей воды стоила один фэнь — одному человеку этого хватило бы дня на три, но без термоса сохранить тепло было невозможно. Ван Сюань приносил кипяток из столовой, а когда тот заканчивался, они растапливали чугунную печурку прямо в комнате и грели воду сами. От печки шло живое тепло, согревая воздух, так что польза была всем.

Ребята понимали, что наглеть не стоит, и честно скидывались по фэню на воду по очереди. Да и кто бы посмел сесть на шею однокласснику Ли Каю? Себе дороже — мигом схлопочешь так, что костей не соберешь. Гоудань сам чужого никогда не брал, но и своего спускать не собирался.

Некоторые парни из деревенских чистотой не блистали. С наступлением холодов они и вовсе забывали про мытье, ухитряясь ходить в одном исподнем всю зиму. Когда же они наконец выбирались в баню у школы, то проводили там полдня, соскребая с себя накопленную за месяцы грязь целыми пластами.

Повалил снег. Двор школы, не видевший мощения, мгновенно превратился в грязное месиво под сотнями ног. Тканевые туфли — не чета резиновым сапогам: от сырости они растягивались, подошва становилась мягкой, как тряпка. Стоило пройти по раскисшей дороге, как ноги тут же оказывались в холодной жиже. Пальцы немели от холода.

Приходилось изо всех сил топать ногами, но когда кровь начинала отходить, боль становилась нестерпимой — словно тысячи иголок вонзались в кожу.

По вечерам, когда Гоудань растапливал печурку, все собирались вокруг нее. Мокрые туфли выстраивали ровным рядом у огня. Стоило теплу коснуться сырой ткани, как по комнате пополз такой густой дух прелых портянок, что хоть топор вешай.

Вонь стояла знатная, но Гоудань никого не гнал — понимал, что обувь у всех одна. Однако за тепло нужно было платить: дрова приносили сообща. Возвращаясь с выходных из дома, каждый прихватывал с собой вязанку хвороста или охапку старых досок. От этого выигрывали все — их комната славилась как самая теплая во всем общежитии. Все помогали добровольно, понимая, что греться за чужой счет некрасиво.

Гоудань с кряхтением потянулся, разминая затекшую поясницу. На узкой, едва ли метровой кровати им приходилось спать боком, тесно прижавшись друг к другу. Лечь на спину вдвоем было невозможно — места не хватало, да и одеяло начинало топорщиться, пропуская сквозняк. За ночь в одном положении тело затекало так, что к утру ломило каждый сустав.

Зима шла своим чередом. Парни уже понемногу пообвыклись со здешней стужей, когда на пороге школы внезапно появился гость, которого они никак не ожидали увидеть — командир полка Чэнь Чжэнго.

Гоудань и Ван Сюань ошарашенно уставились друг на друга. Хотя все эти годы они изредка переписывались и обменивались посылками, вживую они не виделись очень давно. Его

появление застало их врасплох.

Офицер прибыл прямо в школу. Когда классный руководитель вызвал ребят, они поначалу даже не поверили своим ушам. Военная форма Чэнь Чжэнго издавна привлекала внимание — к людям в погонах тогда относились с огромным почтением, так что директор школы лично бросился встречать высокого гостя.

По дороге к кабинету Гоудань недовольно ворчал под нос, перешептываясь с Ван Сюанем.

Чэнь Чжэнго при виде ребят тоже не сумел сдержать удивления. В его памяти они остались худыми, зачуханными деревенскими мальчишками, а теперь перед ним стояли двое рослых парней. Если бы не знакомые черты лица, он бы их и не признал. Перемена была разительной: хоть одежда на них оставалась простой и неброской, она была чистой и опрятной, а на ногах красовались добротные теплые чуни — совсем не те оборвыши с босыми пятками, какими он их помнил.

«Похоже, они не врали, когда писали, что не нуждаются в моих деньгах», — удовлетворенно подумал офицер.

— Одноклассник Ли Кай, одноклассник Ван Сюань, верно? — расплылся в улыбке директор. — Товарищ командир полка приехал специально ради вас. Товарищ Чэнь, взгляните, те ли это ребята?

— Они самые, — вежливо кивнул Чэнь Чжэнго. — Не виделись несколько лет, только письмами обменивались, и я даже не ожидал, что они так вымахали. Проезжал мимо по делам службы и решил навестить.

— И то верно, родным на душе спокойнее, когда навещают, — закивал директор, пытаясь по лицу военного угадать, кем же он приходится ребятам.

Чэнь Чжэнго лишь мягко улыбнулся:

— Да чего беспокоиться? В вашей школе порядок образцовый, учителя здесь опытные, плохому детей не научат.

— Ну что стоите? Поблагодарите директора, — скомандовал Чэнь Чжэнго.

Парни послушно поклонились.

— Товарищ директор, раз уж мы так долго не виделись, да и мороз на улице знатный, разрешите мне забрать ребят на пару часов? Хочу сводить их в город, купить чего-нибудь теплого к зиме.

— Конечно, конечно, дело благое! — засуетился директор. Настаивать на правилах он не смел — здешний устав и так не запрещал ученикам выходить после уроков, а тут целый офицер выказывает уважение, спрашивая разрешения.

Гоудань и Ван Сюань вежливо попрощались с директором и зашагали следом за Чэнь Чжэнго к воротам. Все трое молчали, пока не миновали школьный двор.

Выйдя на улицу, командир полка остановился и, дождавшись, пока ребята поравняются с ним, с усмешкой спросил:

— Что притихли? Неужто в уездной школе из вас всю спесь выбили?

Ван Сюань прыснул в кулак. Видимо, за годы переписки офицер успел неплохо изучить характер Гоуданя.

Тот лишь закатил глаза:

— Да при чем тут спесь? Свалился как снег на голову, а мы, между прочим, простые деревенские дети, генералов каждый день не видим. Дайте хоть дух перевести.

«Так я тебе и поверил, хитрец», — хмыкнул про себя Чэнь Чжэнго.

— Ладно, шутки в сторону. У меня действительно есть к вам серьезный разговор. Давайте найдем какое-нибудь приличное заведение. Вы здешние места лучше меня знаете. Ведите, где тут можно вкусно пообедать? Я угощаю.

Гоудань округлил глаза, разыгрывая крайнюю степень наивности:

— Правда? Прямо всё-всё можно заказать?

— Именно, — вздохнул Чэнь Чжэнго. Ему стоило больших усилий сохранить серьезный вид. С физиономией Гоуданя играть в невинного ребенка было делом гибельным — уж слишком разбойничий у него был взгляд. Ван Сюаню эта роль подошла бы куда больше.

— Точно вы платите? — на всякий случай уточнил Гоудань.

— Точно-точно.

Гоудань смущенно кашлянул и выдавил скромную улыбку:

— Ой, как неловко получается... По-хорошему, это мы должны вас угощать. Но в нашей

столовке из деликатесов только пресные пышки да вареная капуста. Раз уж вы так настаиваете, ладно, подчиняемся вашему приказу.

От такой наглости у Чэнь Чжэнго чуть сигарета изо рта не выпала. «Ишь какой жук! И напросился на угощение, и лицо сохранил, да еще и деликатно намекнул, что сами они ничего приличнее капусты предложить не могут». Офицер только головой покачал — хитер малый, ничего не скажешь.

Он хотел было в шутку дать Гоуданю подзатыльник, но, сообразив, что парень уже ростом с него самого, просто дружески хлопнул его по плечу.

Гоудань с готовностью ударил себя кулаком в грудь: мол, не извольте беспокоиться, всё устроим в лучшем виде.

По дороге офицер не стал вдаваться в подробности своей службы, но о цели визита рассказал в общих чертах.

Выслушав его, ребята переглянулись. Ван Сюань испуганно замахал руками:

— Да что вы, дядя Чэнь, не нужно никаких денег! Если мазь действительно помогает, я вам еще несколько баночек сделаю, совершенно бесплатно. Вы нам столько раз помогали, о каких деньгах речь?

Гоудань за его спиной согласно кивнул. К тому же он частенько использовал имя командира полка как прикрытие, объясняя отцу происхождение их скромных сбережений, так что брать плату за лекарство было бы верхом неблагодарности.

— Полно тебе, А-Сюань, выслушай сначала, — мягко прервал его Чэнь Чжэнго. — Дело не в тех баночках, что ты мне дал. Твою мазь исследовали военные врачи, и результаты превзошли все ожидания. Для наших солдат, особенно тех, кто служит в суровых условиях, это настоящее спасение. Мазь не просто снимает боль, она постепенно лечит застарелые недуги. Да, процесс небыстрый, но ничего лучше сейчас просто нет. Руководство решило выкупить у тебя рецепт...

— Да не надо ничего покупать! — горячо воскликнул Ван Сюань. — Забирайте так, если нужно!

— Дай досказать, — улыбнулся офицер. — Наша армия детей не обкрадывает. На лечение солдат ежегодно уходят огромные средства, и хотя расходы покрывает государство, это всё равно ложится тяжелым бременем на бюджет. А сколько ребят просто терпят боль, потому что обычные лекарства не помогают...

В те годы в обществе царил дух великого самопожертвования. Считалось почетным отдать государству всё ценное задаром, получив взамен лишь похвальную грамоту. Люди всерьез мерились тем, кто больше отдал Родине — пота, крови или личных сбережений.

Однако Гоудань и Ван Сюань оставались детьми, которым еще нужно было учиться и как-то устраивать свою жизнь. Именно поэтому Чэнь Чжэнго настоял на том, чтобы лично встретиться с ними, не доверяя это дело штабным чиновникам. Он опасался, что ребят просто заставят отдать рецепт во имя общего блага, не дав взамен ни гроша. Вообще-то, командиру полка не подобало заниматься такими вопросами, но он подал рапорт, объяснив, что мазь изначально прислали ему, а значит, ему и карты в руки. Заодно он подробно изложил руководству непростые жизненные обстоятельства сирот.

«Жертвовать собой должны взрослые, а не дети», — твердо верил Чэнь Чжэнго. Ему всегда было больно читать в газетах пафосные статьи о малолетних героях, особенно о тех, кто заплатил за свой подвиг жизнью.

Пропаганда подвига кружила неокрепшие головы. Школьники, наслушавшись рассказов о погибших пионерах-героях, в случае опасности бросались на амбразуру, забывая позвать на помощь взрослых или оценить угрозу. Они не умели спасать собственные жизни, стремясь лишь повторить плакатный подвиг.

— То, что вы делитесь этим рецептом, — уже огромный вклад, — серьезно произнес Чэнь Чжэнго. — И государство обязано отблагодарить вас материально. Ни у кого сейчас нет такой формулы, даже у столичных национальных мастеров медицины, сосланных в деревни. Моя старая рана на ноге, которая раньше ныла на каждый дождь так, что хоть на стену лезь, благодаря твоей мази почти затянулась.

Вот почему военные так зацепились за этот состав. А откуда у деревенского мальчишки взялся такой рецепт — Чэнь Чжэнго сам придумал для начальства правдоподобную историю и больше вопросов не задавал.

Парни притихли, обдумывая его слова. Спустя минуту Гоудань деловито кашлянул:

— Нам в другую сторону. Давайте свернем здесь.

Чэнь Чжэнго едва сдерживал смех, прекрасно понимая, в чем дело. Ван Сюань густо покраснел. Он-то знал, что изначально Гоудань собирался затащить офицера в самый дорогой и шикарный ресторан, недавно открывшийся в уезде. Но раз уж дядя Чэнь оказался таким хорошим и выхлопотал для них премию, совесть не позволила Гоуданю грабить благодетеля. Решил повести его в заведение попроще, чтобы сберечь офицерский карман.

— Зачем сворачивать? — прикинулся непонимающим Чэнь Чжэнго. — Вроде бы шли правильно. Не нужно менять дорогу.

Гоудань остановился и с подозрением уставился на него, но лицо военного выражало лишь абсолютную искренность.

— Ну, ладно, — буркнул малый и зашагал прежним маршрутом.

— Да не переживай ты так, — не выдержал и рассмеялся Чэнь Чжэнго. — В нашем уезде даже самое дорогое место мне по карману. Офицерского довольствия точно хватит, чтобы накормить двоих растущих парней.

Люди его круга никогда не жили на одну зарплату, так что на обед в ресторане у него средства водились с избытком.

Его забавляли эти ребята. Решив поначалу, что их хотят обобрать, они не стали устраивать сцен, но молча нацелились «раздеть» гостя на обеде. Причем Ван Сюань безмолвно поддерживал план друга. Но стоило им узнать, что офицер бьется за их интересы, как они тут же пошли на попятную. Годы совместной борьбы за выживание закалили их характер и научили понимать друг друга без слов.

— Ну, смотрите, — хмыкнул Гоудань. — Если потом на обратный билет не останется, чур, на нас не жаловаться.

— Договорились, жаловаться не буду.

Ван Сюань поспешил придержать готового съязвить друга и вежливо улыбнулся военному:

— На самом деле мы город плохо знаем. Всё время в школе проводим, а на выходные сразу в деревню уезжаем. Про этот ресторан нам одноклассники все уши прожужжали. Говорят, там очень красиво и... чисто.

Гоудань действительно не раз проходил мимо тех сияющих окон и мечтал попробовать местную фирменную свинину «хуншао». Одноклассники, которых туда водили родители, описывали это блюдо так вкусно, что слюнки текли.

Для простых деревенских ребят этот ресторан казался недостижимым дворцом, куда пускали только важные делегации да высокое начальство. Сами они могли лишь облизываться на расстоянии. Даже о том, как готовится знаменитая свинина хуншао, они знали лишь понаслышке — дескать, специй туда кладут немерено, оттого и вкус волшебный.

Для них и обычное вареное мясо без соли казалось деликатесом, а уж сдобренное пряностями и вовсе представлялось пищей богов. Мясо в их рационе водилось благодаря охоте, но баловать себя они не смели — почти всю добычу уносили на черный рынок, чтобы выручить деньги и дефицитные талоны. Сами же довольствовались малым, готовя на скорую руку.

Чэнь Чжэнго с пониманием кивнул:

— Что ж, дядя Чэнь вас понял. Я и сам не прочь отведать этой вашей знаменитой свинины.

Услышав заветное обещание, Гоудань тихонько сглотнул набежавшую слюну.

Распахнутые настежь тяжелые двери, сверкающие чистотой панорамные окна, полированная мебель из красного дерева — всё так и дышало роскошью и казенным величием. Начищенный до блеска пол так сиял, что ребята невольно опустили глаза на свои ноги. Их простецкие тканевые туфли успели собрать по дороге слой жирной придорожной грязи вперемешку со снегом. Ступать на эту сияющую поверхность было боязно. Даже выдавший виды Гоудань на мгновение оробел.

Обычно здешние посетители приезжали на черных служебных автомобилях, и обувь у них была идеально чистой.

Чэнь Чжэнго сделал вид, будто не заметил их заминки, и уверенно шагнул внутрь. Гоудань шумно прочистил горло, взял за руку замершего Ван Сюаня и решительно потащил за собой, стараясь шагать как можно тверже. Офицер краем глаза отметил эту решимость, и на его губах заиграла едва заметная одобрительная усмешка. «А парень-то с характером. Если не свернет на кривую дорожку, далеко пойдет. Самообладание, гордость и стальная воля у него уже есть. Ну а если пойдет по дурной стезе... хлопот с ним у милиции будет немерено».

Новый ресторан занимал два этажа. Чэнь Чжэнго сразу повел их наверх. Здешние официанты щеголяли вежливостью и расторопностью, разительно отличаясь от хамоватых работников обычных советских столовых. Оно и понятно — случайных людей в этих стенах не водилось.

— Давайте присядем здесь, — предложил офицер. — Отличный вид.

В уездном городке высотных зданий почти не строили, в основном преобладали одноэтажные сыхэюани да серые мазанки под черепицей. Лишь несколько ведомственных контор возвышались над этой серой массой. С высоты второго этажа эти редкие двух-трехэтажные дома казались великанами среди лилипутов.

Их крыши, припорошенные пушистым снегом, походили на белые меховые шапки. Зима приносила с собой холод, грязную слякоть и колдобины на разбитых дорогах, превращая улицы в унылые, сырые лабиринты. Но отсюда, сверху, заснеженный город казался на удивление чистым, величественным и тихим.

Вся приземленная грязь словно растворилась, уступив место праздничному покою. Ресторан стоял на возвышении, и из его окон уезд просматривался как на ладони.

Его строили с размахом, по стандартам приема иностранных делегаций, но откуда в глухой провинции взяться иностранцам? В итоге заведение превратилось в закрытый клуб для местного начальства. Формально вход для простых граждан закрыт не был, но цены кусались так, что рядовой рабочий за версту обходил эти сияющие двери.

— С таким видом я точно на пару чашек риса больше съем! — довольно сощурился Гоудань.

Чэнь Чжэнго весело расхохотался:

— Ешьте сколько влезет, сегодня никаких ограничений!

Гоудань довольно оскалился. Возразить тут было нечего — слова офицера полностью совпадали с его жизненной философией: если уж пришел обедать, набивай пузо до отказа! Отбросив былую настороженность, парень оживился и принялся расспрашивать гостя о столичной жизни: как проводят зиму в Столице, как обустроен быт в частях, тяжело ли нести службу на заставах. Чэнь Чжэнго охотно отвечал на те вопросы, что не составляли военной тайны. Разговор потек живо и непринужденно. Ван Сюань тихо сидел рядышком, присматривал за чайником, вовремя подливая им кипяток, и жадно впитывал каждое слово офицера.

Под конец Гоудань мечтательно вздохнул и признался, что они с Ван Сюанем твердо решили поступать в столичный университет. Очень уж им хотелось увидеть площадь Тяньаньмэнь и подняться на Великую Китайскую стену.

— Достойная цель, — одобрительно кивнул Чэнь Чжэнго. — Но придется попотеть. Сейчас вузы открывают двери для способной молодежи со всей страны, и такие толковые ребята, как вы, очень нужны государству. Как у вас, кстати, с успеваемостью?

Гоудань без ложной скромности отрапортовал за обоих, подтвердив, что в учебе они задних не пасут.

К тому времени, как на столе начали появляться первые блюда, от робости Гоуданя не осталось и следа. Он по-хозяйски попросил официанта принести рис и пампушки сразу, не дожидаясь горячего. Мол, глупо сидеть и глотать слюнки над пустыми тарелками, вдыхая ароматы с кухни.

Офицер не возражал. Зная недюжинный аппетит подростков, он заказал самые сытные, тяжелые блюда большими порциями. Первой подали тушеную капусту со стеклянной лапшой, а следом — ту самую свинину хуншао, о которой бредил Гоудань.

Пахло просто умопомрачительно!

В голове у ребят не осталось ни одной посторонней мысли. Янтарно-красные, лоснящиеся от жира кусочки мяса при малейшем движении тарелки аппетитно подрагивали, маня к себе. Густой, сладковатый аромат щекотал ноздри, заставляя желудки исходить голодным спазмом.

Они косили глаза на Чэнь Чжэнго, не смея потянуть палочки к мясу раньше старшего — всё-таки приличия обязывали, да и платил за этот пир он. Чтобы не опозориться и не закапать стол слюной, Гоудань подцепил немного тушеной капусты. И обомлел. Даже простая капуста здесь оказалась божественной! Нежная, пропитанная наваристым бульоном и щедрой порцией масла, она так и таяла во рту. Парни и подумать не могли, что обычный овощ можно приготовить с таким шиком.

В школьной столовой с приходом зимы капусту просто варили в воде без капли жира и соли, да еще и цену задрали. А здесь... Наваристый, ароматный бульон превращал скромное блюдо в настоящий шедевр, ничуть не уступающий мясу.

— Ну же, налетайте на свинину, пока горячая, — Чэнь Чжэнго взял общие палочки и положил каждому по доброму, подрагивающему куску хуншао прямо в чашки с рисом. — Пробуйте, не стесняйтесь.

Парни торопливо поблагодарили его и дружно принялись за еду.

— Вкуснотища! — выдохнул Ван Сюань с набитым ртом.

Описать этот вкус точнее они бы просто не смогли — слов не хватало.

— Вот бы узнать рецепт, — мечтательно пробормотал Гоудань, проглотив первый кусок. — Разбогатею — буду каждый день свинину покупать и сам готовить. На завтрак, обед и ужин!

— Каждый день есть хуншао? И не надоест? — усмехнулся офицер, вынужденный признать, что повара в этом ресторане свое дело знали туго.

— Да как мясо может надоест? — искренне удивился парень. Сама мысль о том, что жирная свинина может приесться, казалась ему чистой нелепицей.

Следом подали жареную рыбу, щедро политую густым, блестящим соусом. Вкус оказался изумительным — кисло-сладким, свежим и очень аппетитным. Рыба так приятно хрустела, что они вмиг позабыли обо всем на свете.

— И совсем тиной не пахнет, — удивился Ван Сюань. — Как им это удалось? Я сколько ни кладу имбиря с чесноком, всё равно речной запах остается.

Хоть деревенские ребята к изыскам привыкшими не были, упустить секрет хорошей готовки они не могли.

— Да кто же тебе выдаст секрет, дурень? Это их хлеб, тайна за семью печатями, — отозвался Гоудань, но при этом пытливо уставился на Чэнь Чжэнго, словно надеясь, что тот знает ответ.

«Ну и проныра!» — мысленно усмехнулся офицер.

— Всё верно, — подтвердил он вслух. — Такие секреты передают только преданным ученикам. Слышали небось поговорку: «Выучишь подмастерье — сам без куска хлеба останешься»? Настоящие мастера раскрывают тайны лишь тем, кто заменит им сыновей и будет ухаживать за ними в старости.

Гоудань молча согласился. Действительно, если бы не исключительные обстоятельства, ушедший настоятель храма ни за что не отдал бы им с Ван Сюанем свои труды, собиравшиеся всю жизнь. Везде законы одни.

— Ничего, Гоудань, мы и сами разберемся, — негромко произнес Ван Сюань. — Было бы мясо, а способ найдется. Я вот сейчас ем и примерно понимаю, какие специи они добавили и как именно рыбу обжаривали.

Чэнь Чжэнго удивленно вскинул брови. Весь обед Ван Сюань сидел тихо, помалкивал, пока его приятель трещал без умолку, а тут выдал такое. Впрочем, удивляться особо не приходилось. По долгу службы Чэнь Чжэнго встречал немало самородков: кто-то видел в темноте как кошка, кто-то по запаху определял порох за версту, а иные обладали таким тонким слухом, что по шороху могли назвать численность отряда противника и его вооружение.

Это не было чудом или сказкой — просто редкий природный дар, который встречался один на миллион.

— Неужели можешь по вкусу определить все специи и как блюдо готовили? — заинтересовался командир полка.

Ван Сюань на секунду замаялся, подбирая слова:

— Немного могу, — осторожно ответил он. — Мне ведь приходится учить свойства трав. Чтобы запомнить растение, нужно знать его вид, запах и вкус. Я почти каждую травку на язык пробую.

— Сам собираешь? И не боишься отравиться?

— Да нет, — качнул головой юноша. — В книгах написано, что знахарь должен изучить траву со всех сторон. Только так можно точно определить ее силу и не ошибиться при лечении. А ядовитые растения я по другим признакам запоминаю, в рот их не тащу.

— Ван Сюань у нас вообще голова! — с гордостью вставил Гоудань. — Наш босоногий врач рецепт покажет — А-Сюань его с первого взгляда наизусть заучивает. Мы просились в ученики к врачу из Коммунальной больницы, да тот наотрез отказался возиться с малым. Вот ему и приходится самому во всем разбираться.

— Дядя Чэнь, а у вас нет знакомых хороших врачей? Пристроить бы А-Сюаня к настоящему мастеру. А то он целыми днями одну и ту же потрепанную тетрадку с рецептами зубрит...

— Погоди, — перебил его Чэнь Чжэнго. — То есть все эти уникальные составы А-Сюань делает, собирая знания по крохам и сверяясь со старой книгой?

— Ну... да, — покладисто согласился Гоудань. Сказать правду они не могли — покойный настоятель строго-настрого запретил упоминать о нем и о тайне пространственного кармана.

Сейчас от старого даоса в волшебном пространстве остался лишь угасающий след сознания, лишенный души. Скоро, когда он передаст им последние крупницы знаний, этот призрачный наставник окончательно растает, и им придется рассчитывать только на себя.

Какими бы чудесными ни были оставленные им записи и рецепты, без опытного проводника постичь все тонкости невероятно трудно. Живой учитель мог бы за минуту разъяснить то, над чем они самостоятельно бились неделями. Получи Ван Сюань хорошую школу, а после соедини эти уроки с древним даосским наследием — и равных ему в искусстве врачевания просто не нашлось бы.

Чэнь Чжэнго не заметил их лукавства, пораженный услышанным. Неужели ту чудодейственную мазь действительно приготовил этот хрупкий подросток? Или рецепт просто нашелся в какой-то старинной рукописи? Офицер видывал медицинские трактаты — картинки там были такими неточными, что опознать по ним живое растение в лесу было делом почти безнадежным. Малейшая ошибка могла обернуться бедой.

И этот мальчишка справился сам?

Конечно, без таинственного «вливания» знаний напрямую в разум, по одним лишь черно-белым наброскам и скудным описаниям выучить ботанику было бы невозможно. В лесу полно двойников, свойства которых различаются как небо и земля. Но командир полка и помыслить не мог, что перед ним сидят обладатели волшебного дара, а потому лишь покачал головой:

— Смотри, А-Сюань, дело это опасное. Ошибешься в дозировке или траву перепутаешь — человека погубить можешь.

— Не беспокойтесь, дядя Чэнь, я пока только учусь и лекарства для приема внутрь никому не даю, — успокоил его Ван Сюань. — Всё, что делаю — только для наружного применения. Дяде Ли Сы спину растереть после тяжелой работы, или вот мазь от обморожений.

О своих тайных разработках вроде средства от комаров или средств, скрывающих человеческий запах, он, разумеется, распространяться не стал.

Офицер немного расслабился. Больше всего он боялся, что упрямый подросток по глупости наломает дров и попадет под суд.

— Разрешешь мне взглянуть на твою книгу, когда вернемся?

— Конечно. Только она в общежитии лежит, нужно будет дойти.

— Это не к спеху. Давайте сначала покончим с обедом, а дела обсудим потом.

Действительно, вести серьезные разговоры над тарелкой с такой божественной едой было бы кощунством. Гоудань с Ван Сюанем с утроенным аппетитом накинулись на горячее. Гоудань, несмотря на юношескую поджарость, ел за двоих — организм рос, требуя топлива. Ван Сюань тоже не отставал, то и дело подкладывая себе рис.

Не зря в народе говорят, что растущие парни могут дочиста объесть любого отца.

— Как же вы в школе питаетесь? — с улыбкой спросил Чэнь Чжэнго, наблюдая за их аппетитом.

— Да как... Выдают талоны из расчета полкило зерна в день, — вздохнул Гоудань. — Отовариваем в столовой. Но порции там сиротские, на донышке. Мы уж и забыли, каково это — из-за стола сытыми вставать. А сегодня наелись от души, лепота!

При их аппетитах жить впроголодь было сущим мучением — в животе вечно урчало от пустоты, а сегодня они наконец-то набили желудки плотной, сытной пищей. Даже дома им не доводилось устраивать такое пиршество.

— Всё так вкусно было, мы немного увлеклись... — смущенно пробормотал Ван Сюань, пряча покрасневшее лицо. — Простите, что заставили вас так потратиться.

— Глупости какие! — добродушно отмахнулся офицер. — Я же сам велел есть сколько влезет. Наелись? Может, еще чего заказать?

Ван Сюань замахал руками:

— Нет-нет, сыты по горло! А вы сами-то наелись?

Чэнь Чжэнго заверил их, что сыт, и снова рассмеялся, заметив, что будущие защитники Родины и должны иметь отменный аппетит.

Они с Гоуданем ухитрились умять раза в три больше взрослого военного. Четыре огромных общих блюда, супник величиной с таз, горы белого риса — настоящий белый хлеб, роскошь! Каждая ложка приносила неописуемое блаженство, но теперь, глядя на пустые тарелки, Ван Сюань чувствовал легкий укол совести за такое расточительство. Почти всё это богатство исчезло в их бездонных желудках.

Спустя пару минут Чэнь Чжэнго ненадолго отлучился и вернулся в сопровождении круглощекого, на редкость упитанного мужчины средних лет, который так и сиял доброжелательной улыбкой. Ребята таких дородных и белокожих людей отродясь не видывали.

Незнакомец с порога засыпал их приветствиями. Судя по всему, они с Чэнь Чжэнго были старыми друзьями или имели общих знакомых. Офицер указал на парней:

— Вот, привел ребят пообедать. Они в восторге от твоей стряпни, особенно хвалили свинину хуншао. А ну-ка, послушай, что этот малый распробовал в твоём соусе. Проверим его чутье.

Толстяк перевел взгляд на ребят, его добродушная улыбка сменилась профессиональной строгостью.

— Что ж, любопытно. Пусть говорит.

Ван Сюань растерянно посмотрел на друга, потом на Чэнь Чжэнго. Гоудань ободряюще хлопнул его по плечу:

— Давай, А-Сюань, не бойся. Расскажи, что почувствовал. Подумаешь, не угадаешь пару специй — дядя Толстяк ведь не укусит за это? Рецепт-то секретный, шедевр кулинарии!

Повар, забавно озаглавленный «дядей Толстяком», лишь снисходительно кивнул.

«Ишь какой шустрый, — снисходительно подумал мастер. — Не угадает он всего... Да он вообще ничего не угадает! Мой соус повара годами разгадать пытаются. Тоже мне, дегустатор нашелся, сопляк деревенский».

Ван Сюань глубоко вздохнул, прикрыл глаза, мысленно возвращаясь к тончайшим оттенкам вкуса, что еще таяли на языке:

— Бадьян, лавровый лист, имбирь, чеснок... И чай. Нет, постойте. Вкус чая слишком тонкий, глубокий. Похоже, вы сначала заварили крепкий дорогой чай, а потом отварили в нем свинину, чтобы убрать лишний запах жира...

Шеф-повар поначалу слушал свысока, но по мере того, как Ван Сюань перечислял ингредиенты, лицо его стремительно вытягивалось. Когда юноша умолк и робко спросил:

— Я... ошибся?

Повар скрестил руки на груди, долго и пристально разглядывая подростка, а затем повернулся к командиру полка:

— У него в роду повара были?

— Не угадал, — улыбнулся Чэнь Чжэнго. — Парень травы лесные собирает, лекарем готовится

стать.

— Вот оно что, — выдохнул толстяк, качая головой. — Тогда понятно. Малец, ты угадал почти всё! Кое-где только с очередностью напутал, но сам факт... Это уму непостижимо. Я у своего наставника пятнадцать лет учился, пока язык не натренировал каждую крупицу соли различать. А у тебя дар божий. Если бы в кулинары пошел — сам бог очага тебе бы ложку в руки вложил.

Повар больше не улыбался снисходительно — он понял, что перед ним настоящий талант. Трюк с чайным отваром был его личным изобретением, о котором никто, кроме него самого, знать не мог. А этот мальчишка разложил его секрет по полочкам, словно сам стоял у плиты.

<http://bllate.org/book/19654/1996742>